

Ситуация билингвизма в сфере церковно-религиозной общественной деятельности в современной России

ОЛЬГА А. КРЫЛОВА
(Москва)

Одной из заслуг Маргариты Николаевны Кожинной является разработка понятия сфера общественной деятельности применительно к стилистике, благодаря чему функциональная стилистика обрела прочный экстралингвистический фундамент. Как известно, М.Н. Кожина показала, что сферы общественной деятельности, с которыми связаны функциональные стили, выделяются не произвольно, а с опорой на философскую категорию форма общественного сознания: именно таким формам общественного сознания, как наука, право, политическая идеология, искусство (в том числе словесное искусство) соответствуют особые сферы общественной деятельности: научная, административно-правовая, сфера политико-идеологической общественной деятельности, сфера искусства и литературы. Благодаря этому, появилась методологическая основа для выделения функциональных стилей литературного языка как таких его подсистем, которые функционируют в этих сферах общественной деятельности.

Что же касается такой формы общественного сознания, как *религия*, то соответствующая ей сфера общественной деятельности – *церковно-религиозная* – в Советском Союзе по политическим причинам оказалась вне поля зрения светских филологов-исследователей. Разумеется, теологи всегда уделяли серьезное внимание изучению религиозных текстов, выдвигали определенные требования к языку

проповедей; с другой стороны, историки русского языка, литературоведы, фольклористы, археологи изучали древнерусские письменные памятники, в том числе памятники житийной литературы, богослужебные книги, однако в стилистике, которая выделилась как самостоятельная лингвистическая наука сравнительно поздно, вопрос об особом стиле современного русского языка, связанном с церковно-религиозной сферой общественной деятельности, вообще не ставился; ни в одной работе по стилистике нет даже упоминания о таком функциональном стиле. Считалось, что в сфере церковно-религиозной общественной деятельности функционирует церковнославянский язык, а не функциональный стиль современного русского литературного языка.

В современном православном богослужении, действительно, и сейчас используется церковнославянский язык. Во время богослужения священнослужитель зачитывает отрывки из *Священного писания*, звучат молитвы, церковные песнопения, – эта речевая деятельность осуществляется на церковнославянском языке. Хотя церковнославянский язык близок древнерусскому, тем не менее, это особый язык, и большинству носителей современного русского языка он непонятен. Периодически возникает вопрос о переводе богослужения на современный русский язык, что вызывает острую полемику и в церковной сфере, и в среде широкой образованной общественности, приводятся аргументы как *pro*, так и *contra*.

Сторонники перевода богослужения на современный русский язык аргументируют свою точку зрения, во-первых, требованием понятности религиозных текстов для широких масс, во-вторых, указанием на то, что в этом случае Церковь станет более демократичной, более близкой национальной культуре, а в-третьих, ссылкой на опыт перевода католической службы с латинского языка на национальные языки. Активным противником этой позиции выступил известный русский ученый и общественный деятель Дмитрий Сергеевич Лихачев (Лихачев 1997: 41-45). Д.С. Лихачев отмечает, что попытки перевода богослужебных текстов на «обыденный русский язык» были и раньше, особенно после революции, когда проявилась тенденция государства подчинить себе Церковь. И далее он опровергает все приведенные аргументы *pro*. «Непонятность» богослужения связана отнюдь не только с языком: богослужение непонятно для тех, кто не знает основ

Fot. Ryszard Emmerling

православного учения, и человек, желающий понять содержание религиозной службы, желающий посещать церковь, должен в первую очередь понять именно учение Церкви. «Непонятность» же богослужения при его переводе на обыденный язык лишь усугубится, поскольку исчезнут те оттенки смысла, которые есть в церковнославянском тексте, но не будут переданы в переводе: *Господи, помилуй* и *Господи, прости* – различны по своему значению. «... когда человек старается понять смысл службы, он, может быть, впервые, совершает духовную работу. Откуда же требование, чтобы Церковь шла на уступки обывателю? Не Церковь должна кланяться обывателю, а обыватель – Церкви» (Лихачев 1997: 41). Приведя утверждение о том, что при переводе богослужения на национальные языки Церковь станет более демократичной, более близкой национальной культуре, ученый указывает на опасность того, что Церковь станет при этом и более националистичной, утратится объединяющая роль общей молитвы, общего языка молитвы. Единство языка богослужения объединяло православных славян, а теперь «болгары еще больше отделились от сербов. А сербы – от болгар в результате перехода их богослужения на национальные языки [...] И так, церковнославянский язык играл и играет сейчас (хотя и в меньшей степени, чем раньше) объединяющую роль». (Лихачев 1997: 42). Отказ от языка, который великолепно знали и широко вводили в свои произведения Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Лесков, Толстой, Бунин и многие другие великие писатели станет невосполнимой утратой в нашем понимании культурного наследия прошлого. Наконец, обращение к опыту католической церкви, отказавшейся от латинского языка, показывает, что этот опыт далеко не во всем оказался положительным: по свидетельству преподавателей многих высших учебных заведений, обнаруживаются некоторые отрицательные результаты в уровне и церковной, и светской образованности. А кроме того, так ли полезно механически перенимать чей-то опыт? Вывод однозначен: «Церковнославянский язык – постоянный источник для понимания русского языка. Сохранения его словарного запаса. Обостренного постижения эмоционального звучания русского слова. Это язык благородной культуры: в нем нет грязных слов, на нем нельзя говорить в грубом тоне, браниться. Это язык, который предполагает определенный уровень нравственной культуры. Церковнославянский язык, таким образом, имеет значение не только для понимания русской духовной

культуры, но и большое образовательное и воспитательное значение. Отказ от употребления его в Церкви, изучения в школе приведет к дальнейшему падению культуры в России» (Лихачев 1997: 45).

В постперестроечные годы, когда ситуация в России коренным образом изменилась, речь священнослужителей можно услышать и по радио, и по телевидению, и во время обряда освящения различных учреждений (школ, больниц, офисов и т.д.). Эта речевая деятельность осуществляется не на церковнославянском языке, а на современном русском литературном языке, но при этом имеет место его особая функциональная разновидность, т.е. особый функциональный стиль; мы называем его *церковно-религиозным*. Он только начинает изучаться в стилистике, поэтому нет еще его полного описания и даже используются для его обозначения различные термины. Так, Л.П. Крысин, одним из первых в русистике обратившийся к его изучению (Крысин 1996), называет его *религиозно-проповедническим*. Термин *церковно-религиозный* кажется нам более предпочтительным, т.к. он указывает одновременно и на сферу общественной деятельности, в которой он функционирует, и на религиозную форму общественного сознания, и на церковных деятелей как авторов соответствующих речевых произведений, в которых он воплощается, но в то же время не ограничивает его реализацию лишь жанром проповеди. Его жанровое воплощение многообразно: это и *храмовая проповедь*, и *слово* (в различных его видах: напутственное слово, надгробное слово и др.), и послание, и интервью, данное священнослужителем тележурналисту и др. Таким образом, сфера церковно-религиозной общественной деятельности расширяет свои границы и оказывается сферой двуязычия (билингвизма). Этим термином, как известно, называется употребление в пределах определенной социальной общности двух языков, каждый из которых выбирается в зависимости от особенностей, условий коммуникации (Зограф 1990: 303). Как мы видим, именно различные условия коммуникации в сфере церковно-религиозной общественной деятельности диктуют для священнослужителей переход от церковнославянского языка на церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка.

Этот функциональный стиль обладает своей спецификой как в плане содержания, так и в плане выражения. В плане содержания это всегда тексты, связанные с важными для общества событиями (здесь есть

определенное сходство с газетно-публицистическим стилем, но лишь внешнее, о чем ниже), но это или события, важные с точки зрения православной религии (религиозные праздники, возвращение церковных святых и т.п.), или же освещение событий светской жизни в связи с деятельностью Церкви, в связи с событиями из библейской истории; пропагандируется позитивная роль православной религии и Церкви в жизни общества. Коммуникативное воздействие направлено на формирование у адресата морально-нравственных концептов в соответствии с заповедями христианской религии. Создается *образ автора* как посредника между Церковью – наместницей Бога на Земле – и мирянами, паствой. Этот посредник то оказывается наставником своих слушателей или читателей, то объединяет себя с ними, выступая как одно из «чад Матери-Церкви»; это достигается с помощью *мы* инклюзивного; например:

Вновь мы пришли к спасительным дням Великого поста; Пост дан нам для того, чтобы мы учились жить уже не нашей жизнью, но жизнью совершенно Божественной; Не будем тяготиться трудностию поста: все же пост не то, что Распятие на Кресте. Кто не страдает вместе с Иисусом, тот не знает Иисуса; кто уклоняется от поста, тот забывает о Кресте. (*Слово патриарха Алексия II в Прощеное воскресенье 17 февраля 1991 г.*)

Система языковых средств церковно-религиозного стиля включает лексические единицы с четырьмя видами функционально-стилевой окраски:

- 1) нейтральную, межстилевую лексику (*возвращаться, в доме, солнце, женщина, поздно, говорить, делать, и, тогда, все, другие, отвечать*);
- 2) общекультурную (*мистика, восприятие, традиции, исконная роль, бытие, весьма, придерживаться иных мировоззрений, традиции, интеллектуальное, нравственное, однако*);
- 3) церковно-религиозную (*подвижники, тропарь, кондак, Святого Духа глас, пятидесятница, Пасха, Заповедь, песнопение, Богородица, постриг, притча, крестное усилие, Господь-Вседержитель, чудотворящий, святители, жены-мироносицы, миряне, иноки и инокини, престольный праздник*);
- 4) лексику с газетно-публицистической функционально-стилевой окраской (*боевики, сфера образования, суверенные государства, преодоление трудностей, проблема беженцев, конкретная задача, судьбы русского народа, политический гнет, пройденные пути*). Как видно из

этого перечня, ни разговорная, ни разговорно-просторечная, ни жаргонная, ни, тем более бранная лексика здесь невозможна: эти лексические пласты полностью исключаются из системы лексических средств церковно-религиозного стиля. Церковно-религиозная лексика тематически очень многообразна: это различные номинации Бога, названия лиц духовного звания, географические названия, связанные с библейской историей, с церковной жизнью, названия религиозных праздников, церковно-религиозных учреждений, богословская терминология (*Господь Бог, Иисус Христос, Христос Родившийся, Богомладенец, Спаситель мира, Сын Единородный, Господь Вседержитель; епархия, Спасо-Преображенский Валаамовский монастырь, Святая Земля, Галилея, Вифлеем, Святая Гора Афон; всечестные иноки, Оптиные старцы, архиерей, митрополит, иеромонах, миряне, клирики; пришествие, таинство, Покаяние, спасение, мощи, Великий Пост, Пасха, Рождество Христово*).

Основная эмоционально-экспрессивная окраска лексических единиц, входящих в систему церковно-религиозного стиля, – архаически-возвышенная, торжественная (*беспримерная преданность, даровать, узреть, возвеличить воинов, ибо, черпать вдохновение, неземное величие, поразительное зрелище; на поприще духовного подвига*).

Немалое место в лексической системе стиля принадлежит *архаизмам* (*чада, недугующие, в сем, ныне, научиться, врачуящу, вопрошают, неленостно, нареченный, добродетель*), в том числе семантическим: *Начальник* (о Боге как начале всего сущего); *благоверный* (о князе, верном благому делу); *список* (копия иконы); *новое лето* (новый год); *сугубые молитвы* (когда после каждого песнопения трижды повторяется восклицание *Господи, помилуй!*); *град был чудесно спасен* (спасен чудом); *духовная брань* (духовная борьба).

Из специфических для стиля способов словообразования отметим субстантивацию и основосложение; многие из сложных слов являются кальками с греческого (через церковнославянский): *псалмопевец, богоугодный, великомученик, благовестие, благодатный, ветхозаветный, домостроительство, инославные, многотрудные, братолюбие, человеконебрежение*; примеры субстантиватов: *больные, монашествующие, немощные, убогие, сырые, голодные, слепорожденный*.

Характеризуя систему грамматических средств церковно-религиозного стиля, отмечаем: а) наличие специфических морфологических

форм, б) наличие определенных синтаксических конструкций, а также в) значимое отсутствие таковых.

Специфические грамматические средства, которые характеризуют систему стиля, «работают» на создание книжной окраски текстов, выдержанных в этом стиле, на усиление экспрессивности речи, на создание архаически-торжественной ее окраски. В частности, книжность стиля создается за счет широкой употребительности родительного присубстантивного (*лето благодсти Господней, слова мира и любви, множество епархий, чувство милосердия, узы ярма, поприще духовного подвига, суета житейских попечений, порог вечности*). Архаизации речи служат, кроме уже упоминавшихся выше лексических архаизмов, также а) морфологические архаизмы, б) устаревшее управление и в) инверсия в словосочетаниях с согласованием; например: а) *рождшийся, изглаждена будет, даруй ми, на земли, отче*; б) *добрые дела от нас никто не отнимет, радовались о нас, возбуждаются к тому, мы не отдаем себе отчета о вечной красоте, возлюбленные о Господе, кто не соблазнится обо мне*; в) *тяжесть греховная, Церковь небесная, хранить веру отеческую, в конце года грядущего*.

Создание экспрессивного эффекта связано с использованием прилагательных со значением превосходной степени, рядов однородных членов предложения, таких стилистических фигур речи, как асиндетон, повторы с анафорой, риторические вопросы и др.; например: *наичестнейшие, благословеннейший, радостнейший, важнейший, преизбранная, преславное; Святитель Златоуст называет Рождество Христово «важнейшим праздником» и «началом всех праздников», ибо в этом празднике имеют основание и Богоявление, и Пасха, и Вознесение Господне, и Пятидесятница; ... мы, удерживаясь от зла и гнева, живя в братолюбии, даруем себя нашим ближним; Будем верны этому пути, будем верны этой славе, будем верны этой силе; Сделали ли мы когда-либо первый шаг, чтобы вернуть к жизни того, кто духовно, человечески мертв?!*

Важно подчеркнуть, что отдельные из названных языковых средств встречаются и в других стилях: например, ряды однородных членов предложения составляют характерную особенность синтаксиса официально-деловых текстов, однако в официально-деловом стиле эти синтаксические средства входят в систему с другими морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами, а главное, они

выполняют там иную функцию, обеспечивая исчерпывающее перечисление определенных фактов, положений, т.е. служат средством достижения максимальной *точности* изложения, точности, не допускающей каких-либо инотолкований. В церковно-религиозном стиле эта синтаксическая конструкция в системе с другими языковыми средствами служит цели *усиления экспрессии*.

Стилистически значимым является отсутствие сложных предложений усложненного типа, что объясняется стремлением авторов текстов сделать речь, обращенную к массовому адресату, более понятной и легче усваиваемой. Так, в десяти проанализированных Рождественских и Пасхальных посланиях русских священнослужителей высшего церковного сана такие предложения нам не встретились.

Таким образом, анализ текстов, в которых воплощается церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка, позволяет говорить о системной организации языковых средств всех уровней; эта система обслуживает общение между священнослужителями и массовой аудиторией и характеризуется относительной замкнутостью, поскольку ей чужды сниженные, разговорно-просторечные и нелитературные языковые средства; преобладающая функционально-стилевая окраска языковых средств, входящих в эту систему, – книжная, а преобладающая эмоционально- экспрессивная их окраска – архаически-возвышенная, торжественная. Эти черты церковно-религиозного функционального стиля объясняются, с одной стороны, коммуникативными задачами, – направленностью этого стиля на пропаганду позитивной роли Церкви и религии в жизни общества, на положительное нравственное воздействие на аудиторию, а с другой стороны, несомненным влиянием церковнославянского языка. Очевидно, что эта специфика стиля никак не позволяет считать его «подстилем» или «разновидностью» газетно- публицистического стиля.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в России в сфере церковно-религиозной общественной деятельности к настоящему времени, – это ситуация билингвизма: каждое из двух языковых средств – церковнославянский язык и церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка – используется в своих специфических условиях общения: первый – в богослужении, второй – при обращении священнослужителей к широкой аудитории или в храме, но вне ритуала богослужения, или за пределами храма.

Литература

- Зограф Г.А., 1990, *Многоязычие. – Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Крысин Л.П., 1996, *Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка. Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – Памяти Т.Г.Винокур.*, Москва.
- Лихачев Д.С., 1997, *Русский язык в богослужении и в богословской мысли, «Русское возрождение», № 69-70*, Москва.

The Situation of Bilingualism in the Sphere of Church-and-religion Public Social Activity in Modern Russia

The article treats the linguistic situation existing in the sphere of church-and-religion public social activity. It characterized as the situation of bilingualism because there are functioning both the Church Slavonic language and the church-and-religion functional language style of modern literary Russian. The characteristics of the latter is given in the aspects of content and expression.

Keywords: *sphere of church-and-religion activity, church-and-religion style, bilingualism, church slavonic language.*

[e-mail: okrylova@go.ru]